

1979

1 января, Москва. 3 января был в ЦК у Потапова и Савинкина. Разговор по Вьетнаму – доброжелательный, немало советов. Основной из них: врать, не спешить, не игнорировать их театр и своеобразный опыт боевых действий, накопленный десятками лет. Учитывать, что есть и минусы: они считают себя победителями американцев, забывая, что без СССР американцы не только бы не ушли из Вьетнама, а слопали бы его, смешили с землей.

Пятого января меня принял секретарь ЦК Рябов, ведающий оборонной промышленностью. Никто из членов Политбюро не принимал. Так что военная работа во Вьетнаме считается в ЦК менее важной и значимой, чем командовать у себя в стране округом, даже самым маленьким. Получается, что руководство МО придает этому большее значение (так, во всяком случае, это представил Шкадов. Но он мастер это делать, чтобы склонить. Он даже сказал, что вопрос встанет о звании генерала армии). Но то, что из высших военных чинов меня никто не принимал до вызова в ЦК и что в ЦК не решается вопрос о звании, дает основание считать, что и руководство МО, и ЦК считают сегодня военные работы во Вьетнаме не значимыми. Я должен работать во Вьетнаме при двух генералах армии, будучи с ними неравным. И если Обатуров до сих пор не заслужил этого звания, то надо было отобрать того, кто заслужил, или того, кто имеет это звание. Это нужно не для личности, а для дела, для нашего советского дела, для успехов нашей политики в Юго-Восточной Азии.

Видимо, во вторник 9.01 на заседании Секретариата ЦК КПСС я буду утвержден Главным Военным Советником при МО СРВ. А там – скорые сборы.

23 января, Москва. Практически все уже готово к отъезду. Сегодня утром меня вызвали в ЦК КПСС. Пока сидел и ждал, когда меня вызовут, в коридоре раздался знакомый голос. Я встал, так как мимо меня проходил Леонид Ильич. Брежнев: «А, Обатуров, Устинов доложил мне, что Вы дали согласие на работу во Вьетнаме. Хотел бы Вам пожелать доброго пути. Пройдемте со мной». Я двинулся следом за ним, и мы вошли в кабинет. Леонид Ильич сел за стол и предложил сесть мне. Я выполнил приказ. Брежнев: «Нужна ли Вам какая-нибудь помощь? Как себя чувствуете?» Я: «Спасибо, Леонид Ильич, я в порядке». Брежнев: «Мы, очень рады, что Вы согласились на эту работу. Есть ли какие-нибудь вопросы?» Я ему сказал о том, что меня смущает то, что я буду выполнять ответственную работу, но у меня в подчинении будут находиться люди по званию старше меня и это может отразиться на общем деле. На что он мне ответил, что, к сожалению, ЦК не занимается присвоением званий военным. И тут накопленная раздражительность дала себя знать. Я встал, ладони моих рук стали мокрыми, но я спокойным и ровным голосом произнес: «Как звезды себе на грудь вешать, так это Вы сами решаете, и сами впереди всех, а как людей на войну посылать, так это другие. Но я принял это решение, во-первых, потому что я коммунист, а во-вторых, потому что это мой долг и моя работа. Разрешите идти». Брежнев: «Идите». Я, чеканя шаг, покинул кабинет.

30 января, Москва. Министр Обороны 25 января на основании решения Секретариата ЦК КПСС издал приказ о моем назначении Главным военным советником при Министерстве национальной обороны СРВ (кстати, мне присвоили звание генерала армии).

С 15.20 до 16.00 26 января маршал Устинов беседовал со мной 40 минут. Он рассказывал об обстановке в ЮВА и в СРВ и о важности этого района для мира, нас, наших социалистических друзей. Он говорил о своеобразии этой страны, народа, армии, их опыта, о проявлении дружелюбия и странной неискренности. Просил во все вникать, все знать, помогать максимально, быть на равных. Я поставил 5 вопросов и получил ответы. Беседа была один на один.

19 февраля, Ханой (Вьетнам). Прибыл с группой на аэродром Ной Бай под Ханоем в 14.20. Встречали заместители МНО генерал-полковник Ча Ван Ча, генерал-лейтенант Чум, посол СССР в СРВ Чаплин и др. Жарко, душно, влажно. Короткий прием у заместителя министра в доме 33 («ба-ба» по-вьетнамски, т.е. 33).

Ознакомление с ВС. Занятия. Расширенное знакомство с заместителями начальника ГШ, заместителями МО. Днем – офицерский прием у начальника ГШ генерала армии Ван Тьен Зунга. Вечером – прием у военного атташе СССР. Деловая встреча с генералом армии Зунгом в течение двух с половиной часов. Жарко. Гостиница шумная, вокруг нее шум – и наши, и иностранцы. Тут же шумят авто, сами вьетнамцы. Жена приспособилась досыпать днем.

1 марта, Ханой. С 26-27 февраля был на фронте на лангшонском, главном направлении. Сегодня была встреча с Ван Тьен Зунгом. Вопросы ведения боевых действий, особенно на главном лангшонском направлении. Необходимость создания новой полосы обороны южнее Лангшон.

4 марта, Ханой. Враг продвигается. На главном направлении войска сегодня отступили. Говорил с Зунгом и Ле Чан Таном: ставил задачи, наносил, но даже поставленные задачи не сумели выполнить. Пока раскачивались, многие солдаты истекали кровью.

5 марта, Ханой. Сегодня встречался в 19.00 с Ле Чан Таном. Перед этим докладывал Огаркову и взял разрешение убить на лангшонское направление, организовать там новую оборонительную полосу и использовать артиллерию и танки. Маршал Огарков сообщил: Китай объявил о выводе войск. Я сказал: «Не верю». Он: «Я тоже». И вот примерно в 19.30, во время встречи, Тан объявил мне «важное сообщение»: Китай объявил о выводе войск. По его радости видно, что он в это хочет верить. Я ответил, что знаю об этом. Он был обескуражен. Ему я тоже сказал, что не верю.

6 марта, Ханой. В ночь на отдельных направлениях китайцы начали отвод. Я отменил поездку на фронт.

7 марта, Ханой. Сегодня встреча с Зунгом. До этого уже четвертый раз звонит Устинов: узнает об обстановке, о планах, отводят ли войска и что там в Китае.

Зунг считает, что китайцы потерпели поражение (!?), но не отказались от агрессии. Сказал, что их решение – гнать и громить их до полного освобождения земли. А потом они нас попросят помочь создать оборону на севере и укрепления.

10 марта, Ханой. Сегодня – первая серьезная встреча с послом СССР Чаплиным. Ему некогда, спешит, хотя дал согласие на встречу и я к нему приехал. Ничего серьезного об обстановке не сказал: потом...

Китайцы начали отвод, но делают это очень медленно и таким образом: из домов берут всю утварь, снимают черепицу и другие материалы, столярку, затем дома взрывают. Не щадят ни школы, ни больницы, ни кладбища. В Ш... взорвали старинную красивую церковь, построенную в прошлом веке. Все мосты, до единого, взрываются тоже. Грабят, убивают всех, кто попадет под руку. Угоняют весь скот, разрушают рисовые поля. Фашисты конца 20 века!

17 марта, Ханой. Враг объявил, что все войска из Вьетнама закончил выводить еще 16 марта, а до сих пор занимает север Лангшон 200 кв. км, северо-восток Каобанч 600 кв. км и более 25 участков глубиной 1-6 км и по фронту 2-5 км.

2 апреля, Ханой. Обстановка вновь ухудшилась. Китай за последние дни сосредоточился непосредственно у границ с СРВ, подогнал войска, артиллерию. Можно ожидать либо наступления для того, чтобы сковать силы ВНА (Вьетнамская Народная Армия) для обеспечения удара в Лаосе, либо для нажима на СРВ (Социалистическая Республика Вьетнам) в предстоящих переговорах. Вьетнам на переговоры не идет, т.к. 18 участков его территории до сих пор заняты. Доложил обо всем Огаркову. Мои выводы и действия одобрил. Указал добиться расположения Зунга для дела, т.е., не командуя, проводить правильную линию, проводить настойчиво. Пожелал успехов.

30 апреля, Ханой. Встреча с Зунгом 4 апреля (до этого он так был «занят!»). Изложил рекомендации по обороне на севере, которые он просил дать. Долго не выслушивал, и, к сожалению, они даны с опозданием. Слушал меня рассеянно. Не знаю, что он примет, а что нет. Просил передать мои рекомендации Генштабу. Да еще и прочитал мне «лекцию» по учению о войне и армии, об объективных факторах войны и т.п. Сожалел, что мы к ним прибыли во время войны, и они не ознакомили нас с театром и их опытом войны, но они это сделают в апреле. Это длилось минут 40. Я спокойно выслушал и сказал: «Мы охотно вас послушаем, даже поучимся, но вот вопрос: мы могли бы неплохо разработать специальные части для высокогорных районов (хотя их и немного), если бы у вас были или лошади, или яки. Вьетнам этим не занимается и не имеет. Особую боевую технику и оружие для гор никто в мире не разрабатывает, вы – тоже, значит, надо исходить из существующего оружия и средств тяги и

транспортировки. Значит, и для гор остается старое оружие и обыкновенный автомобиль. В горах с одним легким оружием тоже нельзя воевать». Пришлось ему согласиться (да, нелегко будет сделать нам из них современных военачальников).

22 апреля, Ханой. Был разговор с Устиновым и Огарковым. Волнует всех нас вопрос «вояжа» Зиана в Лаос, в обход меня (т.е. нас советских). Устинов: «Может быть, Вам подлететь, поговорить с нами?» Огарков: «Подумать надо».

И вот позавчера мне сообщили, что Фам Ван Донг, глава правительства СРВ, примет меня в 15.30 21 апреля (суббота). Естественно, какие вопросы поднимать? Вечером 20-го говорю с Огарковым: «Надо высказать и случай с Лаосом, и невнимание к сотрудничеству, но вежливо, осторожно». Утром 21-го – разговор с Устиновым. Указание Министра: «Сказать тактично, но все: затронуть и Лаос, и то, что Вас избегают, и не уделяют внимание изучению техники и оружия, даже мешают, и не реагируют на рекомендации. Мы ввозим на миллиарды, устроили воздушный мост. У нас секретов больше, чем у них. Какие от нас секреты? Чем больше знаем, тем лучше поможем».

В 15.30 21-го начало встречи с Фам Ван Донгом. Со мной Михайлов, с ним генерал-лейтенант Чан Ван Куанг, начальник внешних сношений старший полковник Ань. С обеих сторон переводчики.

Сначала я изложил наш состав, над чем мы трудимся вместе с вьетнамскими товарищами. Ближайшие планы до июля включительно. Затем – в чем нуждается ВНА со стороны правительства и дальше перешел к нерешенным вопросам сотрудничества: не встречаются, советников кидают не туда, где нужнее, судьба рекомендаций не известна, странное происшествие с Лаосом, пренебрежение с учебой и боевой подготовкой, воровство советской техники, предназначенной для боевых действий, и т.д. Когда я дошел до Лаоса, Донг меня остановил: «Сначала, – он сказал – Надо все узнать. Возможно, посещение севера Лаоса Зианом было запланировано ранее». Затем, переговорив с Куангом, сказал, что его (Зиана) приглашал к себе Министр Национальной Обороны Лаоса Сипфандон. Задал вопрос по ВВС и ВМС. Я ответил ему, но понял, что его очень интересуют средства дальнего поражения. Больше говорил я, он слушал. В заключении он сказал: «Я все слушал и думал, думал и слушал. Я прочту протокол встречи в Лаосе и приму решение. Ряд вопросов обсудим на Политбюро, ряд заданий дадим военным. Видимо, технология совместной работы требует времени и не отработана. Надо дружно работать. Мы дружно работаем с вашим руководством. Мы питаем огромное доверие к вашей стране. Спасибо за откровенность. Думаю, что наша встреча своевременна, даже жаль, что она не состоялась раньше. А наше военное сотрудничество в Лаосе зависит от лаосской стороны. Заходите ко мне в любое время, я вас выслушаю».

И здесь я понял подлинную роль Вьетнама в Лаосе и прикрывание встречи за нашей спиной, ссылаясь на случайность. Где находится сейчас наше оружие и боеприпасы, доставлявшиеся в СРВ более двух лет?

24 апреля, Ханой. О встрече лично доложил Устинову и Огаркову. Сказали, что действовал правильно. Теперь нужно выждать реакцию. Огарков: «Теперь не нервничайте их, соображения держите при себе, выжидайте. Главное – терпение».

Вчера – встреча с Ле Чан Таном, почти день. Реакция: Фам Ван Донг хочет, чтобы мы улучшили сотрудничество (!?). Я сказал: «Если бы вы с нами встречались регулярно, мы бы тратили 2-3 часа, а то сидим целый день».

3 мая, Ханой. Вчера внезапно Зунг утром назначил мне встречу, не уведомив меня заранее. При встрече говорил много и долго. Оправдывался по Лаосу. Мол, совпадение. Мол, виноваты подчиненные, не оповестили заранее и т.д. (это уже третья версия после Тана и Донга). Далее он сказал, что Зиан ничего не решает в МО, он занимается наукой, что он фактически не МО, а (доверительно сказал) только значится. Это «вьетнамский метод» - сказал Зунг.

5 мая, Ханой. Сегодня излагал в течение 2 часов самые срочные и неотложные меры Ле Чан Тану по готовности к отражению китайской агрессии на земле, в воздухе и на море. Обещал принять меры. Все, о чем говорил, можно было уже давно сделать и в ПВО, и ВВС, и в СВ. Десятки раз рекомендации с нашей стороны по этим вопросам давались. Слушают, в большинстве случаев соглашались, но не делают. Вопиющая беспечность, особенно в авиации и ПВО. А дело идет к тому, что агрессор готовится к новому вторжению, на этот раз во всех трех сферах, в том числе с морским десантом. Главный удар нужно

ожидать с моря и воздуха по угольному бассейну и на Л... и И... направлениях, Куанниньского угольного бассейна. Разведанные говорят об этом.

19 июня, Ханой. Позавчера шел разговор с Огарковым о приезде Зунга в СССР на отдых. Устинов дал задание обязательно встретиться с Ле Зуаном и Во Нгуен З. Первый уже около 2-х месяцев находится на юге (говорят, болен), второй оставлен за премьера. Фам Ван Донг находится в СССР - лечит глаза плюс юбилейная сессия СЭВ, и за него находится Зиан. Он и до этого не хотел встречаться, а теперь тем более. Министр Обороны требует все выкладывать на этих встречах, говорить открыто, что мешает, а Огарков наоборот – терпеть, выжидать. Я должен делать что-то среднее, т.к. в действительности мое посещение Донга не улучшило сотрудничество с Зунгом, а только насторожило его.

12 августа, Ханой. Практически нет времени вести дневник. Большую часть времени провожу в вертолете, налаживаю отношения между нашей и вьетнамской сторонами, создаю новую армию Вьетнама.

2 августа по указанию Министра попросил встречи с Ле Зуаном, но без военных – один на один. Эту просьбу в международный отдел ЦК КПВ передал сотрудник посольства. Уже третьего он меня принял на своей даче на полуострове До-Шон, на юго-востоке Хай Дона, в 147 км от Ханоя. Я подготовился к встрече. При нас был только переводчик Нгуен Ван Кун. Ле Зуан принял тепло и терпеливо выслушал. Встреча длилась 6 часов. Попросил от меня предложений. Я излагал в духе того, что писал в дневнике 28 июля, но со множеством фактов. Он сказал, что полностью со мной согласен. Он: «Единоначалие у нас давно надо ввести. Я 5 лет тому назад предлагал военным товарищам». Когда прощались, он сказал: «Большое спасибо Вам, советскому советнику, за большую работу, проделанную в короткое время во Вьетнаме». Он бодр, здоров, хотя два месяца провел по болезни на юге.

Говорил он много, но я забыл главное. Он сказал, что после нашей встречи он ждет от меня записей, и после этого вызовет военных и других товарищей, и будет принимать меры.

Состоялась краткая встреча с Ле Чан Таном 10.08 по поводу открытых переговоров по радио, благодаря чему произошло разглашение секретных сведений о ВНА и нашем сотрудничестве (данные атташе). И что же? Он ответил, что примем меры, но они мало верят в то, что идет разглашение. Далее говорю ему о порче 350 грузовых машин по его распоряжению и изъятии некоторых частей из наших машин по его распоряжению. На что он грубо ответил: «У Вас свое мнение, а у меня свое. Свое мнение Вы выложите потом, а мне надо работать». Я, конечно, встал и попрощался, чтобы его не задерживать. Думаю, что большей невежды в области техники из руководства ВНА нет. Ведь это он весной приказал посадить на 31 ПТ-76 случайные экипажи, совершенно не знающие их, и погнать в сторону Х... Это он не читает рекомендации, не распоряжается по ним, наплеватьски к ним относится и не отвечает. Тяжело с ним сотрудничать.

2 сентября, Ханой. Получил поручение Устинова, переданное генералом армии Ахромеевым (оставшимся за Огаркова – тот в отпуске), о том, чтобы побывать в Лаосе и попытаться через МНО Сипфандона сдвинуть дело по укреплению обороны севера ЛНДР, а также побывать в Кампучии и на месте изучить там обстановку. Для этого надо было заручиться поддержкой (по Лаосу) и согласием (по Кампучии) руководства МНО СРВ. 31 августа посетил по этому вопросу Зунга. Он дал полное согласие на это (!) и обещал содействовать успеху.

16 сентября, Ханой. Сегодня доложил Устинову о своем пребывании в Министерстве Обороны ЛНДР и встречах с МНО Сипфандоном. Устинов одобрил результаты работы и внесенные мною лаоской стороне предложения.

В Лаосе Сипфандон признал правильным предложенный мною анализ военно-политической обстановки трех стран и слабость севера Лаоса. Он согласился с предложением, внесенным мною, и сказал, что изучит их вместе со своими товарищами. И они будут принимать меры. Из общих вопросов я поднял следующие вопросы: введение персональных званий, централизация и профессионализация, в последующем – единоначалие. Встречи проходили дружелюбно и, в отличие от ВНА, обстановка для работы хорошая. Во всем они советуются с нашими товарищами. Просили расширить подготовку кадров, помочь создать училище по подготовке офицеров и наладить его работу.

22 октября, Ханой. Я с группой товарищей по заданию МО был с 18 по 21 октября в Кампучии. Задачи – встреча с МНО Пен Сованом, изучение обстановки и строительство народно-революционной армии Кампучии, обстановка вообще, и как проходит операция ВНА по уничтожению полпотовских банд, и по этому вопросу дать рекомендации.

Пен Сован был в Москве и у Устинова просил помощи. Он обещал в Ханое со мной встретиться, и 16 октября мы с послом Чаплиным встретили его на аэродроме. Я просил его вылететь утром 17-го, т.к. должен вернуться в Ханой 21-го и потом вылететь в Москву. Он сказал, что встретимся вечером и все обсудим.

Вечером он не пожелал встретиться, и 17-го я не вылетел. Встреча состоялась только в 20.30 17-го в доме, где он остановился. День 17-го у меня для Кампучии был потерян. Но на встрече он уже говорил не то, что просил у Устинова, а совсем другое. Я уклонился от обсуждения, сказав, что обсудим все в Пном-Пене.

После прилета в Пном-Пень (14.00, 18-го) начальник Генштаба сказал: «Сегодня отдыхайте, завтра работа с товарищем Пен Сованом». «Как же так? – говорю – была договоренность с ним, что с 15.00 до конца дня мы с ним работаем». Прошу встречу. В 17.00 встретились с Пен Сованом. Я напомнил ему о согласованном заранее плане. Ответ: «Я устал, да есть и другие дела». Говорю: «Давайте будем работать с вашими товарищами без Вас, я понимаю Вашу усталость и занятость». Не согласился: «Уже поздно». Так сорвал нашу работу еще на день.

29 октября, Москва. 23-го мы с Павловым (зам. по политчасти) вылетели в Москву и 24-го прибыли на совещание.

25-го у Устинова. Он встретил нас тепло, расспросил обо всех трех странах. Упреков не было. Поддержал, подбодрил и сказал: «Так и держать этот фронт трех стран». Еще раз подчеркнул о важности и сложности нашей работы. Был на многих заседаниях. Эти совещания оставили грустное впечатление.

Сегодня с 10.00 до 12.30 – совещание у Министра Обороны. Присутствовали Огарков, Соколов, Епишев, Зотов, руководство 10 ГУ. Хорошее совещание, очень нужные советы маршалов Устинова и Огаркова, генерала Епишева. Только нужно выполнить. Снова пришлось выступать. Одновременно все эти дни и до 31-го – бега и согласование вопросов по трем странам. Огарков мне сегодня сказал: «Занимайтесь всеми тремя странами».

19 ноября, Ханой. 3 ноября состоялась моя встреча с и.о. МНО генералом армии Ван Тьен Зунгом по моей просьбе. Действуя аккуратно, без подозрений, я просил высказать: их оценку опасности с моря и в других районах границы; необходимость и сроки крупных организационных мероприятий, техники и вооружения, которая используется для этих мероприятий. Ответы Зунга свелись к следующему: китайцы при новой агрессии будут действовать иначе, чем в феврале-марте с.г. Наиболее опасен вариант их главного удара с моря, с высадкой десантов в районе Хайфон, Да-Нанг и между ними. Состав сил десанта: в первом эшелоне дивизия морской пехоты, во втором два-три АК. Силы обороны достаточны, а с моря мы слабы. Часть личного состава имеется, часть призывается. Стрелковое вооружение найдем, артиллерия – за счет поставок из СССР. Танки можно взять с севера, они без них обойдутся, часть из поставок. Просим, сказал Зунг, связаться с генералом Туэ, разобраться в наших нуждах по этим вопросам и оказать нам всестороннюю помощь.

Стало все ясно, и я заявил: «Силы на Севере пока не достаточны, чтобы гарантировать страну от прорыва внутрь крупной агрессивной группировки. Сильных дивизий всего шесть, остальные нуждаются во многих вещах. Не хватает более 1000 тягачей. Вообще очень тяжело со средствами управления. Особенно слабы силы на севере Лаоса. Но туда из основных дивизий не предназначена ни одна. С моря угрозу нельзя недооценивать, особенно в направлении Файтсилонг, Кам-Фа (или Тьен-Иен). Угрозы в Айфан, в районах Винь, Да-Ванг значительно меньше. Однако 242 ПДД до сих пор не доукомплектована вооружением, техникой, боеприпасами. Хотя ее значение исключительно велико. В районе Хайфона со всех сторон есть: две БРМП, 328 ИД, ОПП и др. силы; в Да-Ванге 342 ПД. На Винь можно подготовить выдвигную 390 ПД IАК или всего IАК, где сильная и подвижная 308 МПД. Есть еще на севере от Хайфон (Кэл) 304 МПД. Так что сил много». Дал подробный расчет. Что касается воздушного десанта, то более полка Китай высадить не может... Большие мероприятия не вызваны необходимостью. Мы еще много говорили о делах. Реакция Зунга была бурной и нервной. Прежде всего, он заявил, что мы не знаем китайцев, а они (вьетнамцы) научены американцами разбираться во всем(?). Что мы не знаем, сколько

уже дали капиталисты боевых кораблей и военных транспортеров и другого военного транспорта китайцам. Люди у нас есть. И т. д. и т. п. Говорил целый час. В конце сказал: «Делайте, а я обращаюсь к товарищу Брежневу, который с Политбюро примут закон, который необходимо будет выполнять». Я спокойно отвечаю: «Решение принимают, чтобы выполнять. Но ведь оно будет принято по вашему докладу. У нас с Вами есть свои задачи. А Вы с нами даже не посоветовались. А ведь вооружать Вьетнам должен Советский Союз, и других источников нет. Если бы были другие источники, то тогда другой разговор». Зунг ответил, что посоветоваться со мной у них не было времени (!?). Тут следует оговориться. Примерно с начала октября буржуазная пресса, особенно американская, трубит о том, что на этот раз, возможно, Китай ударит с моря и через Лаос, чтоб окружить главные силы Вьетнама и лишить его портов. Вот и «клюнули» на это вьетнамцы, что в угоду врагу ослабляют и север, и Лаос, противореча намеренным планам. Но, на мой взгляд, тут побольше другого. А именно – выпросить у СССР больше и больше, пока дают, к тому же бесплатно. Обо всем доложил Огаркову, Соколову. Позже Куликову. А 23 ноября Огарков сообщил, что доклад одобрен. Мне необходимо посетить МНО и тактично разъяснить, что эти крупные мероприятия не нужны, что СССР не сможет их обеспечить, что нужно сосредоточить внимание на дальнейшем усилении войск на севере, а намеренные мероприятия в центре, в районах Ханоя, Хай-Фона, перенести на будущую пятилетку. Нужно бороться и за качество войск.

Безответственность не кончается хорошо. Вчера в 13.40 с аэродрома Хо-Шемин убежали на самолете С-130, принадлежащем ВВС ВНА, 13 китайцев вьетнамского происхождения. Угнал его вьетнамец, пилот, среди бела дня. Предположительно в Сингапур. А нам сообщили об этом только сегодня, в 14.30.

1980 год

16 апреля, Ханой. Получив разрешение, с 6 по 14 апреля был с группой товарищей в Кампучии. Главное в этой поездке: войска ВНА в НРК. Второе – консультации и рекомендации. 3 и 4 апреля получил указ по телефону от Огаркова и Устинова. Последний просил передать привет Пен-Савану и обратить внимание на взаимодействие вьетнамцев и кампучийцев. В то же время, приучить их самостоятельно изучать обстановку и доложить. Лично изучить состояние порта. Состоялись две встречи с Пен-Сованом - 7 и 13-го, которые планировались заранее. Но он вдруг устроил прием в честь Нового Года по лунному календарю (наступило 13 апреля) нашей делегации. Пригласил посла Басторина, командующего войсками ВНВ генерал-полковника Аня и др. На встрече 7-го обсуждались вопросы сотрудничества в целях строительства первых кадровых частей НРНАК. На наши рекомендации, что им нужны советские специалисты и что нужно давно послать 62 человека к нам на учебу, уклонился от ответа. Трудно с ним. Асаххийе, его начальник канцелярии, сопровождавший меня по стране, проговорился: «Вы очень грамотные – нам с вами трудно. Я знаю мнение Пен-Сована. Нам лучше иметь вьетнамских специалистов. Он знает меньше и с ними легче. Вот вы просите, чтобы учить дивизию создать полигон на много км, а вьетнамские товарищи нас обучают на полигоне 160 на 300 м». Видимо, Пен-Сован не хочет с нами близко сотрудничать (или не может под влиянием вьетнамских руководителей). Но он ссылается все на трудности. В то же время просит срочно заключить соглашение о всестороннем сотрудничестве и опубликовать это соглашение в печати. Он полагает, что нам допустимо ссориться с Таиландом и другими странами АСЕАН, открыто публикуя то, что мы в открытую не говорим, даже по Вьетнаму. Далее, они говорят, что мы в этом году, мол, сделаем одну дивизию, а 81-ом три. В то же время нет кадров для посылки в СССР. Все это странно.

22 мая, Ханой. 10 и 11-го побывал в Каиш-Рани, а 12-го в Му (Нячанг). Аэродром будет к 25-му готов и обеспечен нашими средствами управления полетов. Начинается ремонт причала для кораблей. Изъездил и изучил условия для ПВО - прекрасное место для базирования кораблей и самолетов. С 13 по 21-е – комиссия ГШ во главе с генерал-лейтенантом Борисовым. Проверила работу нашей группы. Думаю, что Борисов слишком большое количество коллектива взял при ограниченном количестве людей (12 человек), и к тому же никакой нужды не было их брать в Каиш-Рань, поскольку это не объект для проверки, а лишь объект познания. В силу этого вопросы по нашей работе – рода войск, методы ведения боя и операции современного ВНА, системы приведения в боевую готовность – остались непроверенными. Будучи во главе небольшой группы специалистов в Сомали, Борсов, тем не менее, идеализирует свой отчет и старается насадить его и в СРВ, где он неприемлем. Ему не нравится, что старший помощник ГВС не является

организатором работы аппарата. Что это возможно возложить на начальника отдела. Не нравится и форма наших годовых и месячных планов. Он тратил свое ограниченное время на формальные разговоры, а на разборе 21-го неожиданно заявил: «Вы не планируете и не проводите политической работы среди вьетнамских военнослужащих». После разбора я задал ему вопрос: «До сих пор наша работа среди местных товарищей называлась информационно-пропагандистской. А теперь Вы предлагаете ввести политическую работу. В ЦК и мне, и моим товарищам говорили, что нельзя вести политическую работу, ибо это будет вмешательством во внутренние дела Вьетнама. Как прикажете понимать?» Он усомнился в том, что мы получили такие установки. Но ничего не ответил, а ведь такое указание является необдуманным и поспешным. Мне пришлось сказать подчиненным, что пока проводим, как и ранее, информационно-пропагандистскую работу. На разборе в целом работа оценена положительно.

24 мая, Ханой. Сегодня получил телеграмму от генерала Борисова о результате проверки. Огарков дал высшую оценку мне и моей группе. Рекомендовано: основные усилия сосредоточить на том, чтобы добиться полного выполнения наших рекомендаций по повышению боеготовности армии и качеству выучки войск. Все больше становится ясным, почему Пен Саван не шлет к нам учить офицеров. Он не столько не хочет, сколько не может. Ему не дадут сделать этого вьетнамцы. Я бы не разделял мнения Ле Дык Тхо. Во-первых, итак, почему руководство Вьетнама не желает сильной Кампучии уже в ближайшие годы? Не потому ли, что оно боится самостоятельности Кампучии? Самостоятельная Кампучия нам всем, в том числе и Вьетнаму, нужна. Ничего, если в ГТПО лишь испуг, тогда можно поправить. Хуже, если есть претензии на длительное управление Кампучией. Тогда не будет самостоятельности Кампучии, и тогда будет ущерб и Вьетнаму, и нам, и социалистическим странам.

16 августа, Ханой. 11 и 14-го летал на вертолете на север Лаоса. Со мною были подполковник Донин, адъютант полковник Пичул, старший помощник ГВС с вьетнамской стороны, замминистра обороны, замначальника ГШ генерал-лейтенант Чан Ван Куанг, ведающий войсками ВНА в Лаосе его заместитель генерал-майор Дао. Начальник ОУ ГШ старший полковник Хань. Переводчик майор Нгуен. Охрана - три человека, во главе с чудесным лейтенантом Туаном. В Лаосе с нами работала группа специалистов-консультантов во главе с полковником Киумарашвили. Цель достигнута полностью. Изучено операционное направление. С лаосской стороны с нами работали Комиссар северного фронта, он же первый секретарь парткома правительства Удомсай Сом Пхенг, председатель административного совета провинций Сом, командир Кхам Тхань. В войсках ВНА работали командир, старший полковник Нгуен Ан и комиссар Кам-Я. Оборона лаосских войск организована неудачно. Дал рекомендации по ее улучшению. Провел 4-х часовую беседу по организации обороны с руководством северного фронта Лаоса и Вьетнама. Поездка явилась исключительно полезной не только по знакомству с войсками, но особенно по изучению театра. Открылись глаза. Главный вывод по ТВД: горный театр позволяет наступать пехоте с переносными огневыми средствами достаточно широко. Все сколько-нибудь доступные горные направления необходимо оборонять. Оборона дорог – главная задача. Кто ими владеет – тот и хозяин операции. Приняли тепло.

28 ноября, Ханой. Вчера встречался с генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном по моей просьбе. Два вопроса: о принятии принципа «единоначальника» в строительстве Вьетнамской Народной Армии; о принятии мер по ускорению введения мобильной работы.

По второму вопросу я говорил три минуты. Указал, что уже год прошел, как руководство МНО согласилось с нашими предложениями о введении мобильной работы в армии, а дело стоит. Еще в июне Генштаб передал проекты законов, дающих право разрабатывать мобильный план и вводить мобильную работу, однако по ним нет решений.

По первому главному вопросу я говорил 20 минут. Ле Зуан несколько раз меня останавливал, задавал вопросы. Я изложил суть ленинской организации принципа строительства Вооруженных Сил, его историю с 1918 по 1943 года, об интернациональном значении этого принципа для создания армий. Указал на те явления во Вьетнамской НА, которых могло бы не быть, будь единоначалие. Отметил, что коренные мероприятия по строительству Вьетнамской НА сдерживаются, тормозятся отсутствием единоначальника. Принцип коллективного руководства сыграл свою роль, когда ВНА создавалась, крепла как боевая единица. Тогда нужно было сначала убедить, а потом действовать. Убедить людей разных классовых групп, входящих, как правило, добровольно, в военский коллектив. Но это давно стало историей.

Принцип коллективного руководства стал тормозом в армии, а в случае крупной агрессии врага это приведет к поражению.

Конечно, требуются поправки в Устав КПВ. В заключении указал, что единоначалие не противоречит коренному социально-политическому принципу – руководству страны партией, т.к. ЦК партии централизованно, непосредственно руководит армией, включая важные назначения. Мною было подчеркнуто, что одной из важных сторон единоначалия является централизм в руководстве ВС, что лишь частично сделано за последние полтора года в ВНА.

Генсек сказал: «Мы введем единоначалие. Все что вы говорите – верно. Пора вводить эту систему в нашей Армии. На очередном съезде КПВ, в 1981 году, мы внесем поправки. А кое-что уже сделаем к апрелю будущего года».

Он говорил примерно 25 минут. В конце беседы он задал один вопрос: «Сможет ли ВНА в течение трех лет противостоять большой китайской агрессии?»

Зачем этот вопрос? У меня молниеносно мелькнула мысль, что он хочет иметь армию, способную воевать с Китаем один на один три года, отсюда следует, что СССР должен будет не только их поддерживать, но и снабжать всем для этого. Одним словом – давай все сюда для этого. Но делает это хитро, в форме вопроса. Позже, до вечера думал и утвердился во мнении, что молниеносная догадка является верной. Я тогда ответил: «ВНА уже сейчас потенциально способна вести стратегически оборонительную операцию против китайской агрессии, а через несколько лет – переходить в контрнаступление. Это потенциал ее возможности. Но воевать надо уметь коротко, хотя нужно быть готовым и к длительной войне. С точки зрения реальности не хватает одного кирпичика – выучки и знаний, начиная от Министра и кончая солдатом». На что Ле Зуан ответил, что с учебой во ВНА плохо. При этом он выразительно посмотрел на присутствующего при разговоре генерал-майора Хиену – заместителя МНА и замначальника Главного ПУ – и добавил, что сколько можно говорить, чтобы они все учились и учились. Возможно, это было сказано лишь для того, чтобы уважить меня как главного военного советника?

3 декабря, Ханой. На днях завершены оперативно-двухнедельные учения при трех управлениях аппарата ВНА. Руководил генерал-лейтенант Тай, ничего не смыслящий в оперативном искусстве вообще. Начальник Генштаба Ле Чонг Тан был все время, но в роли свидетеля. МНО Зунг был. Командовал войском Чунг. Отрабатывали контрнаступление. Учение методически проведено слабо, хотя мы старались всячески помочь. Что касается Чунга и его штаба, то они для начала – просто молодцы. Старались и немало преуспели. На разборе выступил Ле Чонг Тан и дал оценки. Мне дали возможность выступить и высказать свое мнение. Я не стал давать никаких оценок, не стал критиковать. Я просто разъяснил, какие вопросы нам целесообразно решить, подробно остановился на методике таких учений.

Вчера встретился с Министром Национальной Обороны Зунгом для согласования наших соображений по пятилетнему плану строительства НРАК (Кампучия), первого плана в истории рождающейся армии. Состоялось решение Советского правительства об оказании военной помощи, с участием ВНА. Решено за пятилетку подготовить 6-7 тысяч офицеров. Зунг в целом был согласен с нашими соображениями и отметил, что это будет непосредственно помощью и Вьетнаму, поскольку будет высвободить вьетнамские войска. Он подчеркнул, что осуществить такой план будет нелегко.

6 декабря, Ханой. Вчера в доме МНО СРВ встретился с Генеральным Советником МНО НРК. Дело в том, что имею поручение МО СССР. Предстоит встретиться с Председателем РС НРК Хенг Самринтин и изложить ему суть решения Совета Правительства, после чего начать работать с Пен-Сованом: изложить предложения – после чего дать время им подумать и на второй продолжительной встрече разработать пятилетний план.

Эту миссию планировали выполнить 6-7 декабря. Пен-Сован 5 декабря должен был вернуться с празднования 5-летия ЛНДР в Пном-Пень. Но он не спешит. 4 декабря прилетел в Ханой и решил до девятого быть в Ханое, а затем лететь в Москву и далее в Гавану на Второй съезд КП Кубы.

Я попросил эту встречу для того, чтобы решить, когда быть в Пном-Пене. Договорились на конец декабря – начало января. При его несолидности, легкости противоречивых решений может получиться не так.

Договорились с Генштабом ВНА о деталях в опытном учении в горах (200 км по грунтовым горным дорогам).

17 декабря, Ханой. Досадный перерыв в опытном учении. Небывалое явление для декабря: дождь в горах, как раз в том направлении, где проходили учения. Лил двое суток, с 13 по 15-го, и сейчас еще льет периодически. Решили перенести и провести с 19 по 20-е, чтобы дать просохнуть горному грунту. Пришлось временно вернуться в Ханой. А сегодня пригласил меня посол СССР и рассказал о беседе, на которую 15 декабря его пригласил член Политбюро КПВ Ле Дык Тхо. Ле Дык Тхо, в целом, согласен с объемом военной помощи со стороны правительства СССР Кампучии в будущей пятилетке и считает ее достаточной. Однако друзья обеспокоены, что в Москве Пен-Сован попросит еще помощи дополнительно, что им не нужно пока и их это беспокоит. Тхо считает, что развивать НРАК нужно постепенно и по нарастающей кривой. Иначе они боятся, что кампучийские товарищи начнут стрелять им в спину. Он заявил, что нужны в НРАК советские военные советники, но постепенно, т.к. кампучийцам трудно их обеспечить.

Он также считает Пен-Сована недостаточно серьезным товарищем и с ним нужно быть осторожным. Посол добавил: «Возможно, нас попытаются рассорить с Пен Сованом, чтобы мы встретили его холодно, а затем они пригреют его в Ханое и покажут, что вьетнамцы относятся к кампучийцам лучше, чем русские, что бывало и раньше».

Таким образом, мои сообщения по поводу НРАК получили подтверждения.

Ле Дык Тхо также заявил нашему послу, что они готовят новые удары по полотовским базам на территории Таиланда на глубину до 3 км. Более неправильной линии придумать трудно. Уроки пошли не впрок. Обстановку обострили, Таиланд восстановили против себя и вызвали спешную военную помощь США ему. Глупейшая политика. Китайцы и так каждый день обстреливают вьетнамскую территорию и вторгаются. Однако вьетнамское руководство не планирует вторжение на территорию Китая. Тут имеют место и злоупотребления советской поддержкой Вьетнаму. Все доложил Министру Обороны СССР.

20 декабря, Ханой. Все-таки генерал Тай сорвал наши учения. А ведь это было бы великолепное исследование по ведению боевых действий в горах по грунтовым дорогам. И при этом он еще мне пытался доказать, что он не понял меня относительно даты проведения учений. Возмутительное хамство, неуважение к нам и нетоварищеский поступок. Врун!!! Об этом мне пришлось написать письмо Зунгу, в котором выразил свое удивление.

31 декабря, Ханой. Только что вернулся из Пном-Пеня. Был там с 29 по 31-е, по новому решению Советского правительства об оказании помощи Кампучии.

Вчера утром с послом был принят Хенг Самрином. Я изложил ему решение, на что он выразил бесконечную признательность руководству нашей страны за огромную помощь. Затем оба дня работал с Пен-Сованом и Чан Си (начальник ГлавногоПУ). Мы предложили варианты пятилетки, над которыми я и мои товарищи работали день и ночь в течение трех недель. Передал им около 70 схем организации структуры. Дал время изучить их. Подчеркнул, что нецелесообразно иметь громадный аппарат в центре – например, сделать из главного управления только главное политуправление и убрать его из округов.

Пен-Сован сегодня дал ответ. Он сократил очень многое из моих рекомендаций. Разговаривая с ним сегодня, я понял, что он не счел нужным изучить текст моей рекомендации по пятилетке и схемы организации, но, конечно, советовался с верховным руководителем. Об этом говорит его просьба по аэродрому Компончанг. Хотя со многим согласился. И по вопросам аппаратного устройства, кроме уже созданного главного управления тыла – о нем сказал: «Подумаем».

По территориальным войскам сказал, что, может быть, в некоторых провинциях у них будет не один, а два штаба. Я сказал, что не принципиально. Согласился с планом подготовки кадров. Днем неожиданно дал обед в честь меня и моих товарищей с присутствием посла Басторина.

До сих пор нет решения по недостающему войску и технике и общегражданскому вопросу. Буду просить решить этот вопрос, а уж потом окончательно разработаем пятилетку при повторном посещении Пном-Пеня.

4 февраля, Ханой. Третьего имел встречу с председателем Правительственного Совета Фам Вам Дангом. Вопросы: краткая информация об итогах сотрудничества за 80 год; необходимость принятия решений по вопросам МКБ-работы, т.к. прошло уже 10 месяцев, как разработаны проекты по упорядочению призывов путем сокращения их сроков до месяца, и совмещению с периодами учений и обеспечение армии нужной техникой.

Высоко оценив нашу работу, он признал поднятые мною вопросы важными, обещал изучить и рассмотреть. Время затрачено 40 минут.

10 февраля, Ханой. Вчера состоялась встреча с МНО по вопросам совместной работы по строительству кампучийской армии. Два момента: совместное рассмотрение проблем советской и вьетнамской сторон и, соответственно, согласованные действия СВС и вьетнамских военных специалистов; разделение функций: что делать советской стороне, что кампучийской.

Согласились в том, что принципиальные вопросы будем решать и обсуждать в Ханое, прочие в Пном-Пене между ГВС СССР и руководителем группы вьетнамских военных специалистов. СВС оснащает соседей для работы по развитию регулярной армии, а вьетнамские специалисты – территориальные войска, органы местных военных управлений.

Но для того и другого нужно одобрение кампучийской стороны, чтобы она не подумала, что мы за них все решаем. Зунг просил это решать с Пен-Сованом, не ссылаясь на него, Зунга.

19 февраля, Ханой. Генерал-лейтенант Ивашко П.М. на днях подвел итоги истекшего года с начальником Генштаба Ле Чонг Таном. Тот кое-что обещал сделать. Но больше уходит от ответа либо говорит, что «для ряда ваших рекомендаций еще нет условий, чтобы выполнить». «Надо нам обсудить Ваши предложения на научной основе». Значит, наши предложения либо рано даны, либо еще не созрели условия, либо ненаучны?

Придется с ним столкнуться: пусть объяснит, что рано, а что ненаучно. Более тщательного взвешивания каждого предложения, чем это делаем мы, думаю, нельзя придумать: все своевременно и реально. Несомненно одно: нежелание слушать нас. Безответственность и медлительность. Привычка к партизанинне. Все это хотят прикрыть, якобы преждевременностью и ненаучностью. Таков Ле Чонг Тан и другие в Генштабе (Тай, Туэ) – в этом они все как на ладони.

16 и 17-го был в Далате, в общеевойсковой академии. Сумбур в наборе слушателей, сумбур в профилях, сумбур в программах. Не поймешь, кого они готовят. Кому и какое образование дают.

22 февраля, Ханой. 20-го вечером провели мы в своем клубе торжественное заседание, посвященное 63-й годовщине СА. После этого – кино. Всю картину испортил начальник клуба, демонстрируя фильм на испорченном аппарате. Народ ушел недовольный. Павлов вместо того, чтобы навести порядок, ушел первым, с супругой. Новая аппаратура не пришла, а Павлов не интересуется, где она...

Вечером 21-го было торжественное заседание, посвященное 63-ей годовщине ВС СССР, в посольстве. А перед этим я доложил МО Маршалу Устинову о наших делах. Потребовал добиваться и добиваться единоначалия. А в начале разговора сказал: «Прежде всего, давайте поздравим друг друга с 26-м съездом КПСС и 63-ой годовщиной ВС». Поздравили, и затем он сказал: «Поздравляю Вас, Геннадий Иванович, с награждением орденом Ленина». Для меня это было неожиданностью. Я поблагодарил МО, сказал, что отношу это ко всему нашему коллективу, и заверил, что мы будем делать все для того, чтобы провести в жизнь дело создания регулярной ВНА. Он сказал: «Правильно»!

В ходе торжественного заседания меня поздравили многие коллеги. Орденом «Красная Звезда» награждены советники: генералы Балтышев, Васильев, Бернатский, полковники Карельский, Чурсин и офицер аппарата полковник Маисейко.

27 февраля, Ханой. По указанию Маршала Устинова и Маршала Огаркова пришлось отчитываться по слухам о якобы предстоящей замене МНО Зунга. Донесли особысты (Головченко). Эти слухи по определенным каналам доходят до атташе и особистов. Источник информации у них один и для

меня давно сомнительный. В свое время, после агрессии Китая этот источник давал данные о непрочности положения Зунга, а вскоре его объявили Министром.

Суть слухов такова: Зунгу инкриминируются якобы ошибки при отражении агрессии, неавторитетность в войсках, прокитаизм в недавнем прошлом и слабое сотрудничество.

По нашей линии два сигнала шли из Главного политуправления ВНА, от референта подполковника и еще от одного человека. Эти источники сказали, что Зунг по болезни будет перемещен (бессонница), а назначен Тю Хюн Ман (до этого поговаривали и еще об одной кандидатуре – Ле Чонг Тан).

На запрос руководства я передал сведения наших источников, высказал сомнение и вместе с тем подчеркнул, что я считаю нецелесообразным доносить о слухах. Я убежден, что Зунг не расстался со своим старым прокитайским грузом. Он весь в плену пресловутой китайской теории «народной войны», только что выпустил книгу в двух томах с защитой всех ее аспектов. Но для сотрудничества, для нас, Ле Чонг Тан – министр хуже Зунга, а министр Тю Хюн Ман с этой точки зрения мне не ясен и как человек довольно опасен.

1 марта, Ханой. Вместо шального Шишикина прибыл и работает с лета прошлого года генерал-лейтенант Печерский Павел Степанович, в должности заместителя по боевой подготовке БВО. Этот человек, видимо, много лет привык править только другими, только их заставляя работать, а сам-то так и не научился работать. Совсем не научился. Он относится к той категории военных работников, которых следовало бы называть каннибалами: на костях подчиненных все делает, а сам ничего. Вот его, слабака, и послали к нам, потому что он - слабак. За границей, на советнической работе нужно самому работать, здесь подчиненных 1-2 человека, а иногда и ноль. У него один и тоже слабый.

Поручил я ему возглавить исследовательскую группу на опытном учении 308. Три варианта отчета он мне давал – смесь белиберды. Я просидел несколько дней и много вечеров. Сам писал, а он сидел рядом сердитый. Что делать! Не могу же я МНО дать ерунду. В итоге отчет делался два месяца!!!

Что мне с ним делать? Вчера получил письменные поздравления с награждением «ордена Ленина» от помощников МО: вице-адмирала Турунова и генерал-лейтенанта Илларионова.

14 апреля, Ханой. Встретился с Зунгом, дал наши возможности по оказанию помощи на пятилетку. Принял с благодарностью. Высказал опасения только по ВМС: они в СРВ слабы, а планируется мало.

19 апреля, Ханой. Сегодня состоялась первая длительная встреча с генералом армии Зунгом по совместному отчету единоначалия. Он, как утверждает, изучил мою записку. Задал много вопросов. С благодарностью принял мои соображения, что надо сделать до съезда и после него в порядке и введения единоначалия.

Суть мероприятий до съезда: постановление Политбюро по подготовке и введению единоначалия, кому что, в какие сроки сделать, в т. ч. к проекту изменения в Уставе КПВ и т.д.

На один вопрос я не взял ответственности ответить: состав Совета обороны и его функции. Обещал позже.

10 мая, Ханой. Делегация во главе с генерал-майором Седых прибыла для перелета в Пном-Пень для переговоров по соглашению о торговле для советских граждан.

Китайцы 5.05 на Лангшонском направлении и 7.05 на Хажанском захватили 2-3 высоты, проведя огневой налет и бросив две роты. Усилили пропаганду и угрозы. ВНА готовится к изгнанию. Думаю вот что: отвлечь внимание и силы ВНА от границ НРК и ЛНРР с Таиландом на севере, большей напряженностью держать ВНА и СРВ в напряжении, тем самым избежать проникновения полпотовских банд в НРК и лаосской контрреволюции в Лаос. Дело в том, что 1.05 в НРК успешно и организованно прошли выборы в национальное собрание. Население единодушно поддержало НРС во главе с Хен Самрином и его командой и отвергло полпотовцев (Сианука и кампанию). Это стало известно во всем мире. Надо усилить вооружение и показать, что поддерживаемые Пекином, США, АСЕАН бывшие правители не пользуются поддержкой народов НРК и ЛНДР.

Вчера 9.05 Чаплин рассказал о поведении Пен-Сована во время 26-го съезда КПСС в Москве. Проявив высокомерие, он заявил протест, что его посадили в Президиуме не там, где Генсеки, а в заднем ряду. Ему разъяснили, что Генсеком его еще никто не избирал, в мире об этом еще не объявлялось, а прибыл

он как заместитель председателя НРС НРК, поэтому он сидит там, где сидят такие же товарищи из других стран.

Он отказался выступать в Доме Союзов, только на съезде – не иначе. Было трудно – но решили, и попросили сократить речь до 10 минут. Он отказался. Просили идти на трибуну сразу за предыдущим оратором, для чего пересесть ниже – отказался.

Вернувшись, он в Ханое пожаловался вьетнамцам и заявил, что Кампучию никто так не понимает, как Вьетнам. Ле Дык Тю, член политбюро КПВ, сказал Чаплину, что мы, мол, разъяснили Пен Савану, что советские товарищи правы, а он нет. А может, и наоборот? Сказали, что, да, смотрите, как мы Вас поддерживаем, а вот Москва Вас не понимает. Высокомерие этого недалекого человека проявилось и тут.

Несколько слов о Чаплине. Совершенно не умеет себя вести, грубит, обвиняет неизвестно в чем, диктует что и как надо делать. И это проявляется не только в работе, но и в свободное время - на теннисном корте или на футбольном. Все с возмущением говорят о его поведении.

12 июня, Ханой. Сегодня прочел лекцию по противовоздушной операции (свыше 200 человек из генштаба, управления войсками ПВО и ВВС). Это к предстоящим учениям с 11 августа по ПВО.

Лекцию почти всю писал сам. Товарищ Бернацкий, советник командующего ПВО, дал лишь соображения по способам взаимодействия войск ПВО и авиации.

Далее вручил руководству МНО СРВ подробный проект пятилетнего плана строительства и развития ВНА. Начали изучать. Вложен огромный 40-дневный труд. Изучаем предложения по совершенствованию высшего военного образования в ВНА. Для этого пришлось изучить работу 5 ВУЗов из 7. Положение тяжелое. Собственно, высшего образования нет. Наделали много академий, а ни кадров, ни учебной материальной базы, ни толковых программ.

С 4 июля разрешили выйти в отпуск и вернуться в Москву.